

Isabelle Broom

*My map
of
you*

Изабель Брум

Карта нашей любви

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б89

Isabelle Broom
MY MAP OF YOU

Copyright © Penguin 2016

This edition is published by arrangement with
Hardman and Swainson and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Елены Лыткиной*

Художественное оформление *Елены Околицыной*

Брум, Изабель.
Б89 Карта нашей любви / Изабель Брум ; [перевод с английского Е. Лыткиной]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-109709-7

Холли Райт переживает нелегкий период. После смерти матери она замкнулась в себе, и даже любимый парень не смог пробить эту стену.

Все меняется, когда Холли получает письмо. Она отправляется на сказочный греческий остров, где вместе с красавцем-соседом пытается распутать семейные тайны.

Под жарким солнцем стена, которой Холли отгородилась от мира, начинает рушиться, и она снова чувствует себя живой. Холли уверенно шагает по маршруту прошлого, даже не подозревая, что прямо сейчас создает карту своего будущего.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-109709-7

© Лыткина Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Маленькая девочка положила подбородок на колени и зарылась босыми ножками во влажный песок. Набежавшая волна остановилась прямо около ведерка с лопаткой, которые мама с папой купили ей этим утром. Игрушки отлично сочетались с купальником малышки — красным в белый горошек. У сестры тоже было ведерко с лопаткой, но голубого цвета. «Это глупо, — считала Дженни, — потому что все знают, что голубой — мальчишечий цвет, а все мальчишки — вонючки. Красный же — это цвет, который носят королевы, цвет, который невозможно не заметить». Дженни задумалась о почтовых ящиках родного дома в Кенте, и о телефонных будках на углу их улицы. Красный — самый любимый цвет девочки.

Она вытянула ноги и захихикала, когда пенистая кромка волны пощекотала ее пятки. Вдалеке видела сестру, собиравшую ракушки в ведерко. «Бесмысленное занятие, — подумала она, — мама все равно никогда не разрешит взять этот мусор с собой в Англию».

Мысли о доме заставили Дженни немного опечалиться. Ей не хотелось возвращаться туда, где каждый день шел дождь, коровы убегали с заднего двора и оставляли большие лепешки посреди улицы. Она хотела остаться здесь, на этом острове, где солнце сверкало на поверхности воды, как звездная пыль, и было так жарко, что мож-

но завтракать мороженым. Глядя в морскую даль, Дженни заметила, что один из островов, выступающих над водой, похож на черепаху. Черепаший остров!

— Сэнди! — закричала она, вскочив от возбуждения. — Посмотри туда! — К тому времени, как она подбежала к сестре, Сандра уже увидела остров и придумала целый план, как уговорить маму с папой доплыть туда на лодке.

— Наверное, это самое лучшее место на всем белом свете, — сказала она Дженни, и сестра не раздумывая изобразила строгое выражение лица.

— Не говори ерунды, — проворчала она.

Легкий ветерок подхватил пряди, выбившиеся из косички Сэнди, и задул их прямо на лицо девочки — Дженни рассмеялась, ведь сестра выглядела как дикарка.

— Это однозначно самое лучшее место в мире, — заключила Дженни, постаравшись вложить в голос побольше твердости, как делала мама, когда сердилась. — Когда я вырасту, я вернусь сюда и останусь жить.

— Я тоже, — ответила Сэнди и взяла сестру за руку. — Мы будем жить здесь вместе.

Глава 1

Письмо пришло в среду.

Стоял май. Лондон старался стряхнуть с себя назойливые остатки мокрого апреля. Серые облака походили на клочки овечьей шерсти, и туристам приходилось покупать дорогие целлофановые накидки в сувенирных магазинчиках, заполонивших набережную Темзы. Все говорило о том, что впереди еще один ничем не примечательный день, один из тех, которые пролетают незаметно, как пустая страница исписанного ежедневника.

Но письмо сделало этот день совсем не обычным.

Холли подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Она знала, что уже поздно, потому что шум транспорта за окном стих, лишь изредка проезжал автобус или грузовик, заставляя вешалки в шкафу позвякивать. Кто-то однажды назвал это время «колдовским часом» — с трех до пяти утра, когда мегаполисы, города и деревни поглощала абсолютная безоговорочная темнота, проникая во все щели и тайные двери.

Но это Лондон, и темнота здесь никогда не бывает абсолютной. Со своей подушки Холли видела, как неясный свет уличных фонарей пробивается сквозь приоткрытые шторы и лучом протягивается к ней по одеялу. Руперт подвинулся ближе, перекрыв собой окончание желтого луча. Он повернулся к ней, и та увидела очертание его пухлых губ и темный узор прилипших ко лбу волос.

Он появился далеко за полночь, бесконечно трезвонил в домофон и распевал глупые песни. Снова пил с коллегами в баре, но Холли было все равно. Она даже обрадовалась, что Руперт отвлек ее, когда поднялся по ступенькам и запечатлел влажный поцелуй где-то рядом с ее губами. Вернувшись домой Холли уже знала, что эта ночь вряд ли обрадует ее сном.

Многие годы девушка страдала от бессонницы, еще с ранней юности. Холли научилась думать о бессоннице, как о живом существе, похожем на тролля, который усаживался на ее груди, свешивал ноги и запускал ледяные пальцы ей под кожу, сжимая сердце. Тревога была причиной бессонницы, а бессонница подкармливала тревогу, и все это становилось бесконечным порочным кругом. Избавиться от существа было довольно сложно, а сегодня оно действовало особенно сильно и настойчиво. Холли чувствовала, как ее тело деревенеет от отчаяния, одеяло вдруг стало очень тяжелым, и она буквально задыхалась под ним.

Руперт начал пускать слюни, пузырь в уголке его открытого рта ритмично надувался и сдувался. Холли почувствовала предательский металлический запах перегара и отвернулась от Руперта, глядя на стоящую на полу сумку с письмом.

Тяжесть от письма, а точнее, от того, что в нем написано, казалась настолько огромной, что Холли не удивилась бы, если бы половица под ковриком треснула и образовала дыру в центре Хакни, в которую они с Рупертом улетят до самой канализации. Уголок конверта выглядел из сумки, в темной спальне он казался бледно-серым, и Холли вспомнила, каким безобидным он выглядел, когда увидела его среди счетов за газ и рекламных листовок дешевой пиццы. Конверт с прозрачным окошком; такие

обычно используют в банках и больницах, имя и адрес печатаются внутри, на самом письме. Холли даже не заметила иностранных марок, пока не распечатала конверт.

Прочитав оба письма и рассмотрев фото, девушка села и какое-то время сидела без движения, разглядывая дырку, которая только-только появилась на покрывале старой софы. Несколько лет назад она сама связала это покрывало, но уже давным-давно в ее руках не бывало ни спиц, ни других швейных принадлежностей. Однако в этот момент она решила срочно их найти. Бросив на кофейный столик письмо, она начала рыться в коробках под кроватью, пока не нашла все необходимое для ремонта покрывала.

— Просто сосредоточься на этом, — приказала она себе. — Подумаешь о письме потом.

На какое-то время это сработало. Холли в совершенстве владела мастерством отвлекать себя от ненужных мыслей. Она умудрилась заполнить весь свой вечер бесполезными делами, и как раз перед приходом Руперта идеи у нее закончились. Радуюсь возможности на несколько часов оттянуть необходимость что-то решать, Холли встретила гостя гораздо более радостно, чем обычно, и удивленный Руперт с удовольствием согласился остаться. К сожалению, пьяный и уставший бойфренд продержался недолго, и теперь Холли лежала в кровати, не в состоянии заснуть и буквально умирая от тревоги.

Глубоко вздохнув, она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на чем-то другом — чем угодно, — но письмо сразу же вставало перед глазами.

Дорогая Холли!

Ты, наверное, не помнишь меня, а я думаю о тебе каждый день. Я была рядом, когда ты родилась...

— Нет! — произнесла она вслух, и звук собственного голоса заставил ее подпрыгнуть в тихой комнате. Руперт пробурчал что-то нечленораздельное, пузырь слюны лопнул, пока он ворочался на подушке. Холли задержала дыхание, надеясь, что он не проснется. Он захочет узнать, почему ее лицо влажное от слез, а ответов у нее пока не было.

Она дождалась, пока дыхание Руперта снова стало ровным, затем высунула руку из-под одеяла и взяла телефон с тумбочки. На часах было 4.45 утра. Она подождет до 5.30 и пойдет на пробежку. Да, пробежка прогонит Тролля бессонницы, и она сможет сосредоточиться на чем угодно. Немного успокоенная отличным планом, Холли расслабилась и закрыла глаза, и сон чудесным образом унес ее далеко-далеко.

Сон всегда начинался одинаково — со страха.

Она знала, что нужно открыть дверь и перешагнуть порог, но также понимала: если она это сделает, вся ее привычная жизнь закончится. Она никак не могла забыть то, что увидит за дверью, и не могла сделать так, чтобы сон не возвращался. Но как только она бралась за ручку двери, ужас нарастал, как куча окурков в пепельнице, а картинка съезживалась и покрывалась рябью. Внезапно перед нею оказывалось море, а на горизонте виднелся далекий силуэт...

Через несколько часов Холли стояла у окна в своей маленькой гостиной, наблюдая, как пугающая темная туча ползла в сторону центра города. Майское солнце все еще боролось, но уже проигрывало битву с весенней сыростью, все вокруг приобрело серый оттенок. Холодными пальцами она открыла конверт, который мяла в руках. Откуда-то из глубины квартиры слышался голос Рупер-

та, который громко распевал свою версию песни Спрингстина в душе. Обычно это вызывало у нее улыбку, но не в это утро.

Если ты читаешь это письмо, значит, к сожалению, я уже умерла...

Холли покачала головой. Она прочитала письмо всего один раз, но слова уже крепко укоренились в ее подсознании. Она закрыла глаза, но они продолжали стоять перед глазами, словно ребенок взял в руки бенгальский огонек и написал им буквы на темном ноябрьском небе.

В душе выключилась вода, и Холли услышала, как Руперт высморкался. Словно по команде небеса открыли свой кран и в окно застучали капли. Она прижала нос к стеклу, наблюдая за дождем в тишине, пока от ее дыхания не образовалось овальное пятно конденсата.

— Дорогая? — Руперт стоял в коридоре возле спальни. — Тебе лучше поторопиться, уже почти восемь.

Почему письмо пришло сейчас, так непоправимо поздно?

— Иду, малыш, — проворковала она, стараясь, чтобы голос звучал как можно беззаботнее. Убрав письмо в сумку, Холли быстро зашла в спальню и убедительно улыбнулась.

— Опять дождь, — сказала она, выскальзывая из халата и доставая юбку-карандаш.

— Мы должны сбежать и уехать куда-нибудь, где солнечно, — Руперт остановился, чтобы крепко обнять ее за талию. — Парни говорили про Ибицу вчера вечером — там потрясающие клубы.

— Угу, — пробормотала она, заправляя блузку. «На самом деле, ничего хуже недели в клубах представить нельзя — подумала она, — ей уже двадцать девять, а не девятнадцать».

— Ты такая сексуальная в этой юбке, — заметил Руперт. Он разглядывал ее в зеркале, пока наносил гель на свои мягкие русые волосы. Холли нравилось, как она действует на него: даже через год одного ее взгляда было достаточно, чтобы он выпрыгнул из одежды. Их глаза встретились в зеркале, она улыбнулась. Когда он так смотрел на нее — веки прикрыты, губы разомкнулись, — Холли все еще чувствовала волнение. Приятно, что у нее такая власть над ним, но мысль о том, чтобы отпустить свои чувства и позволить себе ощущать то же, что и он, пугала ее.

Руперт бросил галстук на кровать и быстро подошел к ней.

— Черт бы побрал этот бизнес-завтрак в девять утра, — прорывал он, зарываясь лицом ей в затылок. Собрал в ладонь темные кудри Холли, другой рукой он уверенно расстегнул застежку молнии на юбке. Девушка замерла на секунду, затем повернулась, чтобы поцеловать его, испустив обязательный стон удовольствия, когда он уложил ее на кровать. Все было кончено через несколько минут.

— Черт, мне действительно пора бежать, — сказал он, натягивая брюки. Раскраснелся и выглядел счастливым. Холли поправила ему волосы и застегнула пиджак.

— До вечера, красотка! — бросил Руперт на прощанье и ушел.

На несколько минут, пока Холли пыталась привести в порядок свои мысли, в квартире воцарилась звенящая тишина. Энергичное проявление страсти Рупертом немного помогло, но теперь письмо снова всплыло на краю сознания, требуя внимания, как капризный малыш.

Медленно и неохотно Холли вернулась к сумке и нащупала конверт. Не обращая внимания на два помятых

письма, она достала фотографию и почувствовала, как сердце опускается прямо в желудок.

На фото был дом, маленький и квадратный, из светлого камня с изогнутой красной черепицей на крыше и балконом, обшитым деревянными шпалерами. Но ее взволновал не сам дом, а то, что он выглядел абсолютно так же, как макет, который хранила ее мать. Дженни Райт никогда не любила безделушки, у нее было все только самое необходимое. Но маленькую модель дома она берегла до самого конца. При взгляде на фотографию дома ноги Холли подкашивались, словно она увидела привидение.

Она все еще смотрела на фотографию спустя несколько минут, когда звякнул телефон. Пришло эсэмэс от Элианы, радостно сообщавшей, что она, как всегда, опаздывает на работу, с просьбой Холли ее прикрыть.

Отправив «да», та поняла, что и сама может опоздать, если не поторопится. Пообещав себе разобраться с письмом во время обеда, она быстро пробежалась по квартире, собрав все необходимое, и вышла на улицу, хлопнув дверью.

Глава 2

Как и многие другие англичане, осевшие в столице, Холли скорее оказалась в Лондоне, чем выбрала его для постоянного проживания. Она приехала сюда с матерью, и, если считать по количеству лет, проведенных в одном месте, его можно было бы назвать домом. Однако здесь она никогда не чувствовала себя комфортно. Иногда замирала, провожая взглядом толпы людей, пробежавших мимо, в раздумьях, что она здесь делает. Она ненавидела суету и толкотню, грязь и грубость — и все-таки она жила в этом городе.

Холли работала в Камдене, в головном офисе большого магазина одежды под названием «Флэш». Вместе с еще пятнадцатью сотрудниками в отделе она занималась созданием увлекательного описания продукта, а затем загружала его на сайт. Несмотря на то что это не была самая творческая работа, которую можно представить, Холли находила ее несложной и местами увлекательной. Средняя зарплата, жалкий соцпакет, но Холли все равно считала собственное занятие удачей, принимая во внимание все обстоятельства.

Самым худшим в работе определенно была ее непосредственная начальница, Фиона, абсолютно лишенная чувства юмора и сухая, как коробка старых кукурузных хлопьев. Холли понимала, что начальница-стерва — это банально, но надо же с этим как-то жить...

Когда Холли проскользнула на место, часы показывали 9.30. На экране выскочило окно с письмом от Фионы. Она требовала переделать все описания к последней линии брюк-палаццо. Отлично.

— Что с лицом? — прошептала Элиана через десять минут, заставив Холли подскочить на стуле от неожиданности.

— Ты откуда взялась? — бросила она, вытирая следы от чая, который разлила по всему столу.

— С Земли, — рассмеялась Элиана. — Не могла же я позволить, чтобы старая змея увидела, как я опаздываю. Отношение к начальнице у девушек было одинаковым.

— Кто опаздывает? — Фиона возникла из ниоткуда, как печальный черт из табакерки.

— Никто, — мило улыбнулась Элиана.

— Почему твой компьютер выключен? — заметила Фиона с раздувающимися ноздрями. Волосы были собраны в очень тугой пучок, а по краям лица темнела граница плохо растушеванного тонального крема.

— Сломался. — Элиана продолжала улыбаться, как героиня мультфильма «Побег из курятника».

Фиона поморщилась.

— Наверстаешь пятнадцать минут во время обеденного перерыва, — отрезала она перед тем, как удалиться в свой кабинет.

— Поскорей бы уже себе кого-нибудь нашла, — простонала Элиана, показывая язык вслед уходящей Фióне.

— В жизни не видела никого более напряженного, — кивнула Холли. — Она немного... зажата. Может, ей просто надо сходить на хорошую вечеринку.

— Ну, я ее выводить не собираюсь! — воскликнула Элиана. Она в третий раз подряд набрала неправильный пароль и выругалась, когда система заблокировала доступ.

Холли посмотрела на брюки на экране — темно-синие, с огурцовым принтом, узким поясом и широкими брючинами. Холли залюбовалась кроєм, в очередной раз задавшись вопросом, почему она больше не шьет сама. Это единственное, что помогало ей не сойти с ума за эти ужасные, трудные годы. Ничего больше не делало ее такой счастливой, даже Ру...

— Как твой мачо? — перебила ее размышления Элиана. Она ожидала своей очереди в IT и была терпелива.

— Отлично, — немного смягчилась Холли. — Он привез мне кимоно из Японии. Шелковое, с вышитыми орхидеями и...

— Наверное, стоило, как крыло самолета, — перебила ее Элиана.

Хотя Холли прекрасно знала о том, что у Руперта хорошая работа — он был корпоративным бухгалтером, и его работа прекрасно оплачивалась, — ее немного раздражало, что Элиана все измеряла деньгами. Сама она выросла в скромных условиях, уж точно без роскоши,